

Привлечение к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара

**Радик Кашифович
Лотфуллин,**

советник юридической
фирмы Saveliev,
Batанov & Partners,
кандидат юридических
наук

Реформа российского банкротного законодательства в части субсидиарной ответственности встречена юридическим сообществом в целом положительно, несмотря на множество возникших вопросов.

Ответы на большую часть из них были даны в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹ (далее — Постановление № 53).

Однако ряд вопросов остался открытым, и, очевидно, в ближайшее время судебная практика будет вырабатывать подходы к их разрешению.

Так, одной из проблем является установление статуса контролирующего должника лица (далее — КДЛ), т.е. наличие у привлекаемого к субсидиарной ответственности лица фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия.

Для облегчения доказывания статуса КДЛ в пункте 4 ст. 61¹⁰ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее — Закон о банкротстве) установлены опровержимые презумпции. Так, пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось КДЛ, если это лицо:

1. Являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом

ликвидационной комиссии. Если в качестве руководителя (единоличного исполнительного органа) должника выступает управляющая компания, то, пока не доказано иное, предполагается, что КДЛ является как эта управляющая компания, так и ее руководитель, которые, по общему правилу, несут ответственность по любым основаниям, предусмотренным гл. III² Закона о банкротстве, солидарно³.

2. Имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться 50 и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника. Презюмируется, что лицо, отвечающее одному из указанных критериев, признается контролирующим наряду с аффилированными с ним лицами⁴.

3. Извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 ст. 53¹ Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее — ГК РФ) (лица, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени)⁶.

³ Подпункт 1 пункта 4 ст. 61¹⁰ Закона о банкротстве, абзац 2 п. 5 Постановления № 53.

⁴ Подпункт 2 пункта 4 ст. 61¹⁰ Закона о банкротстве, абзац 3 п. 5 Постановления № 53.

⁵ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Подпункт 3 пункта 4 ст. 61¹⁰ Закона о банкротстве.

¹ Российская газета. 29 декабря 2017 г.

² Российская газета. 2 ноября 2002 г.

Однако если лицо не входит в органы управления должника, не владеет долями/акциями должника, то на практике доказать наличие у него статуса КДЛ затруднительно.

При этом поведение КДЛ может быть открытое (когда он в отношениях позиционирует себя в качестве бенефициара должника) или скрытое (когда он скрывает наличие возможности влиять на должника).

В первом случае доказать статус КДЛ полегче: это может быть сделано с помощью совокупности доказательств, в том числе показаний свидетелей, переписки, сообщений в СМИ.

Например, в деле о привлечении С.В. Пугачева к субсидиарной ответственности по обязательствам ЗАО «Международный Промышленный Банк»⁷ наличие фактического контроля над должником было установлено по совокупности обстоятельств, в том числе:

— существования в банке системы согласования и принятия решений, в соответствии с которой без согласия С.В. Пугачева не могло быть принято ни одно решение в

банке (проведение собеседования при приеме лиц на работу в банк, согласование вознаграждения работникам банка, участие в рабочих совещаниях банка, дача прямых указаний должностным лицам банка на подписание сделок от имени банка, участие в переговорах с третьими лицами от имени банка, необходимость согласования с ним любых решений и сделок банка);

— наличия у С.В. Пугачева своего кабинета в офисе банка.

В качестве другого примера можно привести вывод Арбитражного суда Московского округа, согласно которому тот факт, что В.В. Гудков являлся контролирующим лицом АКБ «ИНВЕСТТОРГ-БАНК» (ПАО), подтверждается в том числе и тем, что он давал интервью газете «Ведомости», информационному portalу Banki.ru, журналу «Финмаркет» о деятельности, проблемах и планах банка на ближайшую перспективу⁸.

Между тем такие доказательства невозможно представить суду, когда КДЛ действует скрытно, и отсутствие законодательных критериев по выявлению скрытых бенефициаров порождает проблему, связан-

ную с привлечением их к субсидиарной ответственности.

В связи с этим важнейшее значение для практики привлечения бенефициаров должника к субсидиарной ответственности при банкротстве, да и в целом для применения доктрины прокалывания корпоративной вуали будет иметь Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. № 302-ЭС14-1472 (4, 5, 7) по делу № А33-1677/2013⁹ (далее — Определение), в котором Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) дал разъяснения, которые могут быть применены судами при рассмотрении аналогичных споров.

Во-первых, ВС РФ пояснил, что конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса КДЛ. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния на должника. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

Как указано в Определении, в такой ситуации судам следует проанализировать поведение привлекаемого к ответственности лица и должника. О наличии подконтрольности, в частности, могут свидетельствовать следующие обстоятельства:

— действия названных субъектов синхронны в отсутствие к тому объективных экономических причин;

— действия противоречат экономическим интересам должника и одновременно ведут к существенному приросту имущества лица, привлекаемого к ответственности;

— данные действия не могли иметь место ни при каких иных обстоятельствах, кроме как при на-

⁷ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2015 г. № 09АП-24715/2015, 09АП-22993/2015, 09АП-22353/2015 по делу № А40-119763/10 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 декабря 2016 г. № Ф05-19470/2016 по делу № А40-56167/2016 // Документ опубликован не был. Источник — СПС «КонсультантПлюс».

⁹ http://test.vsr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1624574

личии подчиненности одного другому, и т.д. (с. 9 Определения).

Необходимо отметить, что приведенные разъяснения фактически раскрывают третью презумпцию наличия статуса КДЛ, а именно извлечение лицом, привлекаемым к ответственности, выгоды из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 ст. 53¹ ГК РФ.

В любом случае скрытый бенефициар осуществляет свою деятельность через подконтрольную ему компанию с целью увеличения или сбережения своих активов. Поэтому признаки фактического контроля могут проявляться в гражданском обороте именно через экономические отношения, которые складываются между КДЛ и должником.

Так, в п. 7 Постановления № 53 указано, что контролирующим может быть признано лицо, извлекшее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности. В частности, предполагается, что контролирующим должника является третье лицо, которое получило существенный актив должника (в том числе по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов (например, на заведомо невыгодных для должника условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом (фирмой-однодневкой и т.п.) либо с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции, и т.д.). Опровергая названную презумпцию, привлекаемое к ответственности лицо вправе доказать свою добросовестность, подтвердив, среди прочего, возмездное приобретение актива должника на условиях, на которых в сравнимых обстоятельствах обычно совершаются аналогичные сделки.

Также предполагается, что контролирующим является выгодоприобретатель, извлекаящий существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, ко-

ней, судами должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств, сформированная на основании анализа поведения упомянутых субъектов. Если заин-

ОТСУТСТВИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ КРИТЕРИЕВ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ СКРЫТЫХ БЕНЕФИЦИАРОВ ПОРОЖДАЕТ ПРОБЛЕМУ, СВЯЗАННУЮ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ИХ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

торая направлена на перераспределение (в том числе посредством недостоверного документооборота) совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом (например, единым производственным и (или) сбытовым циклом), в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника основной долговой нагрузки. В этом случае для опровержения презумпции выгодоприобретатель должен доказать, что его операции, приносящие доход, отражены в соответствии с их

тересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные доказательства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о возникновении отношений фактического контроля и подчиненности, в силу ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации бремя доказывания обратного переходит на привлекаемое к ответственности лицо (с. 9 Определения).

Хочется надеяться, что правовые позиции, изложенные в Определении, позволят судам более

СКРЫТЫЙ БЕНЕФИЦИАР ОСУЩЕСТВЛЯЕТ СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПОДКОНТРОЛЬНУЮ ЕМУ КОМПАНИЮ С ЦЕЛЮ УВЕЛИЧЕНИЯ ИЛИ СБЕРЕЖЕНИЯ СВОИХ АКТИВОВ

действительным экономическим смыслом, а полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами (п. 7 Постановления).

Во-вторых, ВС РФ в Определении отметил, что, учитывая объективную сложность получения арбитражным управляющим, кредиторами отсутствующих у них прямых доказательств дачи указа-

внимательно относиться к косвенным доказательствам, а также уйти от формального подхода к определению статуса КДЛ и от идеи о том, что контроль над должником должен быть подтвержден только прямыми доказательствами, в которых содержатся адресованные должнику явные указания относительно его действий (бездействия). ■